

Н.И. Бобриков и финские интеллектуальные элиты

Егор И. Штанько

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, egor2001s@yandex.ru*

Аннотация. В статье поднята проблема влияния интеллектуальных элит Финляндии на протестное движение в ходе реформ генерала-губернатора Н.И. Бобрикова. Русификация Великого княжества Финляндского в 1899–1904 гг. вызвала бурную реакцию у местного населения. Публикация нового воинского устава запустила волну протестов и брожений в сельской и городской местностях. Лидеры мнений в лице университетской интеллектуальной среды идеологически оформляли и направляли движение сопротивления инициативам Петербурга, проводили публичные лекции и агитировали население. Автор анализирует эти взаимосвязи, используя тайные донесения жандармерии генералу-губернатору о происходящих в финляндской окраине событиях. Особое внимание уделяется агентурным данным о разговорах внутри Гельсингфорского университета и наблюдениям за деятельностью Л. Мехелина. Автор приходит к выводу о том, что роль интеллектуальных элит в формировании сопротивления реформам Н.И. Бобрикова сложно переоценить. Особенно крупное влияние имела личность Л. Мехелина, ставшего национальным героем и главным борцом с русификацией Финляндии. В то же время центральная власть не сумела договориться с финскими лидерами мнений, используя лишь грубые, силовые методы борьбы, которые только способствовали героизации главных ораторов и агитаторов.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Н.И. Бобриков, русификация, Л. Мехелин, Гельсингфорский университет

Для цитирования: Штанько Е.И. Н.И. Бобриков и финские интеллектуальные элиты // Молодой историк. 2025. № 1. С. 36-45.

N.I. Bobrikov and the Finnish intellectual elites

Egor I. Shtanko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, egor2001s@yandex.ru*

Abstract. The paper investigates the impact of the intellectual elites of Finland on the protest movement during the reforms of governor-general N.I. Bobrikov. Russification of the Grand duchy of Finland in 1899–1904 caused a violent reaction among the local population. The release of the new military regulations launched a wave of protests and unrest in rural and urban areas. Being the ideological mentors who shaped and directed the resistance movement to the initiatives of St. Petersburg, opinion leaders from the university intellectual environment held public lectures and agitated the population.

The author examines these relations, using secret reports from the gendarmerie to the governor-general about the events taking place in Finland. Particular attention is paid to agency data on conversations within the University of Helsinki and observations of the activities of L. Mechelin. The author comes to the conclusion that the role of the intellectual elites in shaping resistance to Bobrikov's reforms is difficult to overestimate. The personality of L. Mechelin, who became a national hero and the main fighter against the Russification of Finland, had a particularly large influence. At the same time, the central government failed to come to an agreement with Finnish opinion leaders, as it used crude, forceful methods of struggle which could do nothing but contributing to the heroization of the main speakers and agitators.

Keywords: Grand duchy of Finland, N.I. Bobrikov, russification, L. Mechelin, Helsinki university

For citation: Shtanko, E.I. (2025), “N.I. Bobrikov and the Finnish intellectual elites”, *Young historian*, no. 1, pp. 36-45.

В эпоху русификации Великого княжества Финляндского¹ местные интеллектуальные элиты достаточно сложно описать в отрыве от тех или иных политических союзов страны. Они являлись своего рода мыслительным ядром, которое имело значительное влияние не только на политиков и чиновников, но и на представления обычного населения о происходящих событиях. Университетские интеллектуалы читали публичные, открытые лекции, произносили громкие и провокационные речи на улицах финских городов, задавая решительный тон протестам. Их мнения и речи публиковали в газетах и журналах, а внимательные читатели цитировали их размышления в частных беседах. В большинстве своем, интеллектуалы являлись частью профессорской и университетской среды, были видными чиновниками в отставке или просто талантливыми ораторами. Представляется совершенно необходимым выяснить, какова была интеллектуальная среда ВКФ в период генерал-губернаторства Н.И. Бобрикова, и как была выстроена коммуникация с этими лидерами мнений.

М.М. Бородкин пишет о Гельсингфорском университете: «Его студенческие корпорации пользуются большими правами, его университетская дисциплина хороша. ... Общим девизом учащих и учащихся оставалась формула Арвидсона: “шведами мы более не можем быть, русскими мы не хотим быть, так будем же мы финнами”. На практике же это служило идею обособленности от России. Из Гельсингфорского университета вышла теория финляндского государства» [Бородкин 1905, с. 146]. Действительно, университетская мысль была чуть ли не центральным интеллектуальным ядром формирования финского национального самосознания, и М. Бородкин оказался во многом прав, исключая идею независимой Финляндии, которая не возымела большой популярности даже при Н.И. Бобрикове. «Как только перед нацией встал вызов, Хельсинский университет сделал акцент на национальной задаче в ущерб образованию. В Финляндии с 1809 г. шведское прошлое беспрерывно бросало национальный вызов. ... Университет действовал как национальное учебное заведение, готовя необходимое количество гражданских служащих, тем самым

¹ Далее – ВКФ.

способствуя формированию национальной идентичности» [Dhondt 2008, р. 122].

После издания манифеста «О введении русского языка в делопроизводство Великого княжества Финляндского» была реформирована и учебная программа университетов. В Гельсингфорском университете была образована кафедра русского государственного права и русской истории [Dhondt 2008, р. 120]. При этом данные курсы должны были читаться полностью на русском языке. Предполагалось, что изучать их будут уже будущие студенты, которые пройдут обучение в реформированных финских школах. Н.И. Бобриков имел планы значительно реформировать финское образование, так как, по его мнению, «...насаждение пагубных идей об уникальности и государственной особенности Финляндии начиналось еще со школьной скамьи» [Полвинен 1997, с. 141]. Генерал-губернатор уделил значительное внимание школьному образованию и ужесточил контроль за изучением русского языка.

После Февральского манифеста в университете началось интеллектуальное осмысление происходящих событий. Представители университетской профессуры были серьезно вовлечены в политику и поощряли политические действия своих студентов. На лекциях по истории северных государств нередко начинались историософские размышления. «Положение нашего народа никогда не было таким, каково оно теперь. Дело идет не о защите внешних границ, но о сохранении нашего духовного состояния», – декларировал профессор Пальмен². Профессор Пелконен выходил на улицы города и читал публичные лекции вне стен университета: «Могущественный восточный исполин поднял свой кулак и грозит. Финский народ, как невинное дитя, стоит беспрепетно, в сознании, что он ничего не сделал, за что заслуживал бы наказания. Но и в этот момент финский народ питает убеждение, что исполин, успокоившись, опустит руку и будет уважать наши законы, наши учреждения и наш народ...»³. Якко Форсман, ректор Гельсингфорского университета, открыто произносил, что «...политические условия нынешнего положения

² ГАРФ. Ф. 499. О. 1. Д. 18. Л. 7.

³ ГАРФ. Ф. 499. О. 1. Д. 18. Л. 9.

не могут быть оставлены университетом без внимания» [Бородкин 1905, с. 147], потому студенты университета тоже проявляли высокую активность под руководством профессуры и ректоров.

Многие политические прокламации и агитки были созданы в стенах университета, в том числе и знаменитый «Финляндский народный катехизис», который должен был на ряду с «Малым катехизисом» М. Лютера стать второй настольной книгой каждого финна. Катехизис декларировал идеи о том, что император нарушил свою клятву, что во внутреннем правительстве ВКФ (Сенате) сидят преступники и предатели своего народа, а также катехизис провозглашал полный бойкот нововведений Н.И. Бобриковам и русскоязычного населения страны в целом⁴.

Действия финской профессуры и студентов сильно раздражали Н.И. Бобрикова, что неудивительно – даже Большая петиция была во многом результатом деятельности студентов. Генерал-губернатор старался всеми способами пресечь это, используя лишь грубые, полицейские методы. «Мое заключение о вреде университетской просветительской деятельности основано на пережитом опыте. Действия студентов давно уже приносили вред и поэтому следовало бы от них отделаться ради чисто русских интересов» – писал Н.И. Бобриков [Бородкин 1905, с. 148]. Различные запреты собраний и ужесточение цензуры не привели ни к какому практическому результату. Финны ловко обходили эти формальности, выставляя свою агитационную деятельность как просветительскую. Генерал-губернатор метил также и на вакантное место вице-канцлера университета для полного урезания его автономии. Финнам значительно повезло, так как пост в итоге занял более умеренный В.К. Плеве.

Таким образом, министр статс-секретарь сумел несколько сбалансировать фанатичного Н.И. Бобрикова. По вопросу запрета летних чтений в университете он писал генералу-губернатору: «По существу, однако, предлагаемой меры я имею серьезные сомнения⁵. Следующий ректор Гельсингфорского университета Эдвард Ельт прекрасно понимал, как обстоят дела и старался

⁴ Финляндский народный катехизис // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 1. М., 2021. С. 349–353.

⁵ ГАРФ. Ф. 586. О. 1. Д. 445. Л. 84.

сохранять равновесие между В.К. Плеве и Н.И. Бобриковым [Полвинен 1997, с. 155]. По этой причине практически все коммуникации были выстроены именно через вице-канцлера, который единственный мог влиять на решения генерала-губернатора. Именно эти взаимодействия университетской профессуры и В.К. Плеве смогли фактически сохранить автономию университета вплоть до самой смерти Н.И. Бобрикова. Потому публичные «просветительские лекции» по истории в разных городах ВКФ продолжались еще длительное время, порой приобретая ярко очерченный антироссийский характер. Например, имперская полиция в своих докладах генералу-губернатору приводила такие цитаты из произносимых на площади Гельсингфорса речей: «Вот какие русские – надо хорошо помнить минувшее, чтобы оно не повторилось: в Финляндии наступило ныне самое мрачное время и можно ожидать того же, что было раньше»⁶. Лекции содержали в себе провокацию, подробно освещали «насильственное» присоединение ВКФ к России в 1809 г. С особой детальностью описывались жестокости и зверства русской армии: убийства священнослужителей, детей, изнасилования женщин и грабежи домов честных финнов.

Бывший сенатор Л. Мехелин, который по совместительству начинал свою политическую карьеру в сословном собрании, успел построить неплохую карьеру в Гельсингфорском университете, став профессором права и экономики. На момент начала русификации ВКФ под предводительством Н.И. Бобрикова Л. Мехелин являлся председателем гельсингфорского банка и настоящим лидером мнений среди финнов. Его публичные выступления у излюбленного для манифестаций и протестов места – Национального дома Нюландского землячества, собирали огромные толпы людей. Даже в тайных донесениях жандармов генералу-губернатору Л. Мехелин был обозначен как главный оратор и политический агитатор⁷. Сами же финны настолько любили красноречивые выступления Л. Мехелина, что называли

⁶ ГАРФ. Ф. 499. О. 1. Д. 18. Л. 60.

⁷ ГАРФ. Ф. 499. О. 1. Д. 18. Л. 62.

его «дорогой дядюшка Лео»⁸. Примечательным является тот факт, что сам Л. Мехелин оставался вне политических союзов ВКФ, но все же его позицию можно в большей степени охарактеризовать как умеренного фенномана, который в своих речах отстаивал законы и автономию Финляндии. «Финляндия не является суверенным государством, а лишь особым государством, не раздельно связанным с Россией»⁹, потому односторонние отношения, которые выстроил Н.И. Бобриков, были совершенно неприемлемы по мнению оратора. «Финляндия не может признать и никогда не признает русских законодательных учреждений. Не признает их компетенции по отношению к Финляндии, не будет производить выборов в имперские законодательные учреждения и не признает законов, изданных через эти учреждения»¹⁰, а по вопросам воинской повинности он имел следующее мнение: «Русское правительство не жалеет своих людей. Оно нуждается в финньяндах для пополнения своего офицерского состава, сильно поредевшего за многолетние войны с Наполеоном, Швецией и Турцией»¹¹.

Л. Мехелин стал объединительным центром политических сил Финляндии. Его личность была настолько масштабна для финского населения, что даже шведоманы и фенноманы были готовы сплотиться вокруг этого человека¹². Он был сторонником пассивного сопротивления реформам Н.И. Бобрикова и конституционалистом, который позднее стремился к сближению с кадетами. Л. Мехелин в отличие от шведоманнов понимал, что диалог с правительством необходим и неизбежен, каким неприятным бы он ни был. С другой стороны, какое-либо взаимодействие с генералом-губернатором он даже не хотел брать в расчет, понимая всю бессмысленность этих действий. Л. Мехелин

⁸ Коллекция биографий «Сто замечательных финнов» на русском языке. Электронный ресурс. Хельсинки, 2004.
URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения: 03.03.2024).

⁹ ГАРФ. Ф. 586. О. 1. Д. 246. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Коллекция биографий «Сто замечательных финнов» на русском языке. Электронный ресурс. Хельсинки, 2004.
URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения: 03.03.2024).

в целом не был разочарован в России и имперских чиновниках. Он считал, что взаимодействие с центральной властью нужно выстроить через приздание максимальной огласки происходящим событиям, потому существует памятная записка, которую он сумел передать российскому послу в Дании графу Бенкендорфу. В ней он кратко изложил свои размышления по поводу действий новоиспеченного генерала-губернатора и свое видение решения проблемы:

1. Преданность финского народа русскому императору не исчезла и остается по сей день, однако финны должны и будут отстаивать обещанные и дарованные им особенные права.

2. Н.И. Бобриков должен быть смешен с должности. Он враг не только финского народа, но и России. Разве его ужасные действия соотносятся с интересами и выгодами России? Н.И. Бобриков мешает и финнам, и русским.

3. Правительство говорит с Финляндией с помощью силы, однако финны не готовили заговоров и мятежей, а всегда были лояльны императору. Разве финны заслужили такого отношения?

4. Те, кто занимаются политикой русификации совершенно не понимают, что такое Финляндия и какие особенности у ее народа. Потому министр статс-секретарь и генерал-губернатор не обязательно должны быть финнами, но хотя бы людьми, имеющими здравое представление о Финляндии¹³.

Л. Мехелин весной 1903 г. был выслан из ВКФ по указу генерала-губернатора, оказавшись практически единственным крупным лидером оппозиционных мнений, который подвергся подобному наказанию. В качестве взаимодействия Н.И. Бобриков вновь избрал стратегию силы и репрессий, даже не рассматривая возможность диалога – впрочем, это вряд ли было возможно, так как Л. Мехелин видел главную проблему непосредственно в лице Н.И. Бобрикова. В любом случае генерал-губернатор совершил фатальную ошибку, отправив «дядюшку Лео» в ссылку. Образ национального героя дополнился образом страдальца, терпящего невзгоды за свой народ. Потому после убийства генерала-

¹³ Мехелин Л. Памятная записка о положении в Финляндии, переданная послу Дании в Российской империи графу Бенкендорфу // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 1. М., 2021. С. 347.

губернатора А. Мехелин вернулся в Финляндию настоящей легендой. «Его встречали в Хельсинки как героя: сограждане тащили его экипаж от железнодорожного вокзала до памятника Рунебергу, где он обратился к народу»¹⁴.

Таким образом, университетская среда смогла оставаться на плаву вплоть до кончины генерала-губернатора, сумев выстроить взаимодействие с более умеренным вице-канцлером университета В.К. Плеве. Удачное стечание обстоятельств, а конкретно личное решение Николая II [Полвинен 1997, с. 152], не позволили Н.И. Бобрикову занять эту должность и полностью упразднить всякую свободу Гельсингфорского университета. Публичные лекции, летние чтения, политические агитации под видом просветительской деятельности продолжались, несмотря на все возмущения Н.И. Бобрикова. А. Мехелин, будучи самым крупным оратором и лидером мнений, не рассчитывал и не стремился к диалогу с генералом-губернатором, но видел возможности выстроить диалог с другими, не связанными с русификацией ВКФ имперскими чиновниками, а также пытался наладить коммуникацию с русскими конституционалистами. Н.И. Бобриков, выслав народного любимца А. Мехелина из страны, вызвал только большую ненависть финнов к собственной персоне и возвысил оратора в глазах местного населения. Этот репрессивный акт практически не имел никакого смысла, так как политическая оппозиционная агитация уже набрала очень высокие темпы.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Бородкин 1905 – *Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб.: изд-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. 502 с.*
- Полвинен 1997 – *Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб.: Европейский дом, 1997. 323 с.*

¹⁴ Коллекция биографий «Сто замечательных финнов» на русском языке. Электронный ресурс. Хельсинки, 2004. URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения: 03.03.2024).

Dhondt 2008 – *Dhondt P. Ambiguous Loyalty to the Russian Tsar. The Universities of Dorpat and Helsinki as Nation Building Institutions // Leibniz Institute for the Social Sciences.* 2008. Vol. 33. № 2. P. 99–126.

REFERENCES

- Borodkin, M.M. (1905), *Iz noveishei istorii Finlyandii. Vremya upravleniya N.I. Bobrikova* [From the modern history of Finland. The time of N.I. Bobrikov's rule], Izdatel'stvo R. Golike i A. Vil'borg, Saint Petersburg, Russia.
- Polvinen, T. (1997), *Derzhava i okraina. N.I. Bobrikov – general gubernator Finlyandii 1898–1904 gg.* [The State and the Outskirts. N.I. Bobrikov – Governor-General of Finland 1898–1904], Evropeiskii dom, Saint Petersburg, Russia.
- Dhondt, P. (2008), “Ambiguous Loyalty to the Russian Tsar. The Universities of Dorpat and Helsinki as Nation Building Institutions”, *Leibniz Institute for the Social Sciences*, vol. 33, no. 2, pp. 99–126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егор II. Штанько, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; egor2001s@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor I. Shtanko, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; egor2001s@yandex.ru